

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

НАШЛИ ВЫХОД...

— Все районные решения кончились! Что делать?

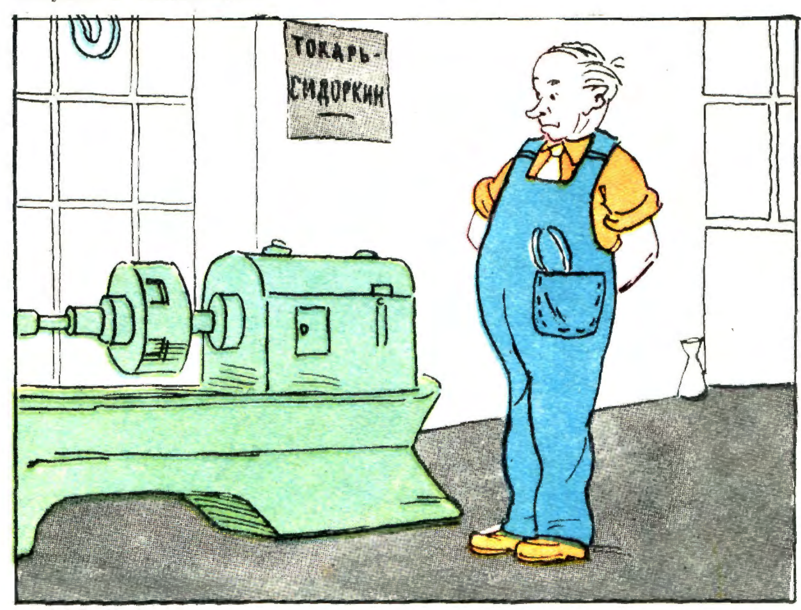
— Вези областные!..

КРОКОДИЛ

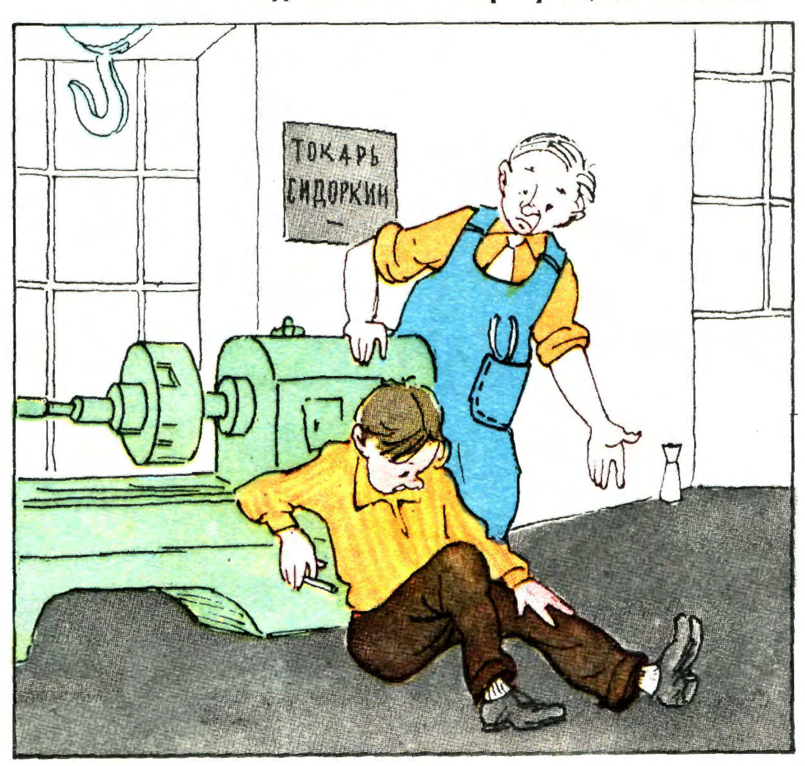
МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 23 20 АВГУСТА (1457) 1956 ГОД ИЗДАНИЯ 35-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА.

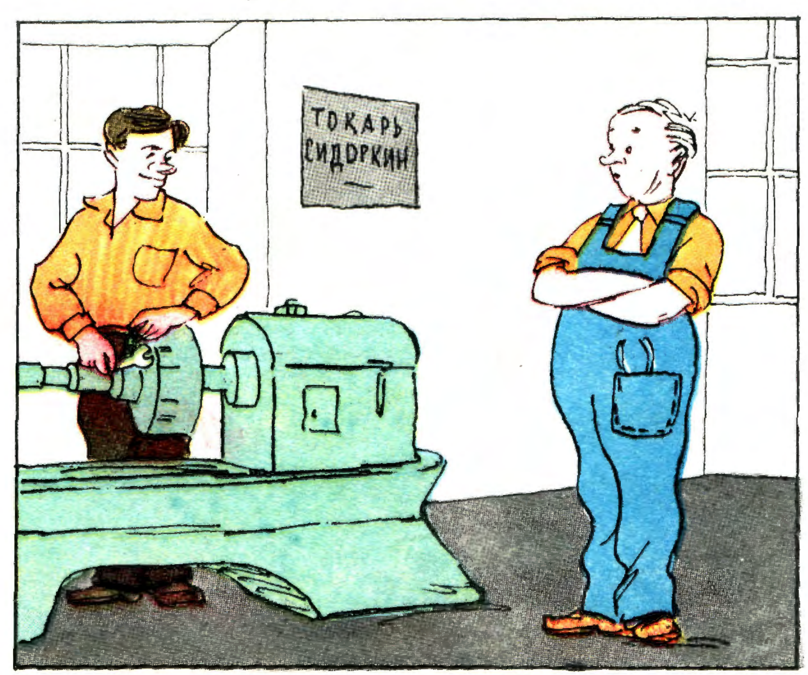
КАК ТУТ БЫТЬ!

— Хотел побеседовать с ним о прогулах, но его нет...

— Хотел поговорить о пьянстве, а он лыка не вяжет...

— А сегодня с ним говорить не о чём: пришёл во-время и трезв!

СЕГОДНЯ НА ПРИЁМЕ У КРОКОДИЛА

заместитель министра рыбной промышленности СССР К. В. РУСАКОВ,
заместитель министра рыбной промышленности УССР С. Г. ТЕПЛУХИН,
главный инженер Крымгосрыбтреста М. В. КИРИЛЛОВ.

Крокодил: Вы ли это, дорогие руководящие товарищи? Давно ждал я вас в гости. Даже жаловаться хотел, что вы меня забываете. Кстати, о жалобах: прошёл слух, что вы владеете секретом сверхоперативного, сверхчёткого разрешения жалоб трудящихся... Может быть, поделитесь опытом?

Тов. **Русаков:** Это мы можем. Жалобы следует разрешать строго по существу...

Тов. **Теплухин:** С максимальной оперативностью...

Тов. **Кириллов:** С предельной чуткостью и вниманием...

Крокодил: Ваше теоретическое вступление меня вполне удовлетворило. Теперь хотелось бы посмотреть на практические дела. Ну вот взять хотя бы жалобу работников холодильника Керченского рыбокомбината... Вы, конечно, помните эту жалобу?

Тов. **Русаков:** Помню. Нудная жалоба! Я понимаю: вопросы механизации производства на холодильнике, улучшение условий труда рабочих — это наша обязанность. Но нельзя же так категорически... Это же неэтично... Я, например, жалоб никому не пишу, а труд свой полностью механизировал: вместо устаревшего агрегата, именуемого канцелярским пером, я теперь подписываю бумаги автоматической ручкой, которую приобрёл в Столешниковом переулке...

Крокодил: Очень интересная мысль. Нужно подсказать её работникам холодильника. Пусть зайдут в близлежащий магазин и попросят, чтобы им завернули железобетонный причал с комплексной механизацией, несколько штук электрокаров с прицепами, автомобильные весы и заодно портативную подъездную железнодорожную ветку, в которой холодильник остро нуждается... Как до этого раньше никто не додумался! Что же дальше?

Тов. **Русаков:** Дальше я приступил к разрешению жалобы строго по существу. Вот, пожалуйста: № 0145/10749 от 21 декабря 1955 года. Этим номером я завернул... виноват, переадресовал, жалобу в Министерство рыбной промышленности УССР и убедительно просил... обратите внимание: не обязал, не предложил, а именно просил «рассмотреть жалобу коллектива и по возможности оказать помощь»... Здесь и корректность проявлена, и сердечная мягкость налицо, и от существа жалобы не отклонились...

Тов. **Теплухин:** Но я от вас не отстал, Константин Викторович! Я эту жалобу разрешил с максимальной оперативностью. Пожалуйста, убедитесь!

Крокодил: Что? Опять выкинули какой-нибудь номер?

Тов. **Теплухин:** Так точно, исходящий... Номер 08-37-1673! От 29 декабря 1955 года. На имя управляющего Крымским госрыбтрестом... Под личную ответственность! Вот смотрите: а) смонтировать; б) обеспечить; в) рассмотреть вопрос... Я в восторге от собственной оперативности.

Крокодил: Я не уверен, разделяют ли ваши восторги авторы жалобы... Однако что же дальше?

Тов. **Кириллов:** Дальше документик, подписанный Сергеем Григорьевичем, поступил к нам в трест. И мы его выполнили буквально по пунктикам с предельной чуткостью и вниманием...

Крокодил: Наконец-то! Значит, и производство механизировали, и спецодеждой обеспечили, и бытовые условия улучшили?

Тов. **Кириллов:** Почти так: и производство обязали механизировать, и спецодеждой обязали обеспечить, и бытовые условия обязали...

Крокодил: Опять обязали? Кого обязали? Ведь это тов. Теплухин вас обязал...

Тов. **Кириллов:** Совершенно справедливо: Сергей Григорьевич обязал нас, а мы, в свою очередь, обязали директора Керченского рыбокомбината тов. Костицина. За номером 03/310-1 от 10 января 1956 года. Весь документик слово в слово переписали с предельной чуткостью и вниманием.

Крокодил: Не скромничайте: у тов. Теплухина в одном месте сказано: «в связи с тем»,— а вы, в порядке творческого осмысливания, сформулировали: «ввиду того...» Впрочем, не в этом суть. Гораздо важнее выяснить: что теперь должен делать тов. Костицин?

Тов. **Русаков:** Он должен собрать работников холодильника, актив...

Тов. **Теплухин:** ...обсудить с ними наши руководящие указания...

Тов. **Кириллов:** ...и поручить им: а) внедрить у себя механизацию; б) обеспечить себя спецодеждой; в) построить у себя санитарно-бытовые помещения...

Крокодил: Здорово придумано! И, конечно, если авторы останутся неудовлетворёнными, то пусть они напишут вам новую жалобу...

Тов. **Русаков:** Конечно! Мы её рассмотрим строго по существу.

Тов. **Теплухин:** Обсудим с максимальной оперативностью...

Тов. **Кириллов:** ...и дадим новые руководящие указания со всей присущей нам чуткостью и вниманием.

Крокодил: Жаль, что предложенный вами оригинальный метод механического, комплексно-бюрократического отношения к жалобам трудящихся не в состоянии компенсировать отсутствие комплексной механизации на холодильнике. Но независимо от этого я надеюсь, что ваш творческий вклад в методику разрешения жалоб будет рассмотрен надлежащими инстанциями строго по существу и с максимальной оперативностью, предельной чуткостью и вниманием.

Записал Виталий АЛЕНИН.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

— Животноводческие фермы ты не ремонтируешь, корма не заготовляешь. О чём же ты думаешь!

— Думаю, что государство поможет.

Вприглядку

Как-то один из руководителей Юрьевецкого сплавного рейда (что на реке Унже в Ивановской области) вызвал к себе сплавщика, написавшего критическую статью в областную газету, и задал ему убийственный вопрос:

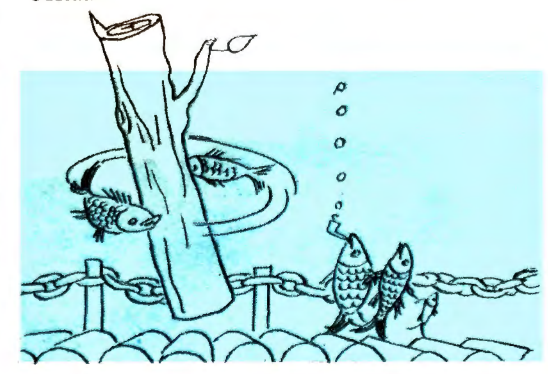
— Ты где работаешь: на рейде или в газете?!

Не знаем, был ли бы задан подобный вопрос, если бы статья носила хвалебный характер, или нет, но скорее склоняемся к тому, что такого вопроса не последовало бы.

Мы хотя и не работаем на рейде, но всё же во избежание неприятностей решили написать заметку, где отмечались бы те статьи плана, которые на Унже успешно перевыполняются.

Начнём с того, что перевыполнению плана сразу по двум статьям — использованию рабочей силы и зарплате — весьма способствует широко распространённый на рейде метод работы «вприглядку». Как раньше чай пивали «вприглядку»? Посмотрят на сахар — и отопьют несладкого чаю. Посмотрят ещё — снова хлебнут. Вот так и сплавщики: смотрят на бездействующие лебёдки — и формируют вручную плоты, поднимают тяжёлые грузы. Но... слаще им от этого не становится.

Чуть ли не вдвое выполнен план по утопу. Что это такое? Это значит, что рейду запланировано определённую часть древесины утопить. Не нарочно, разумеется. А вот на рейде ухитрились и план по утопу древесины перевыполнить почти вдвое. Подводный мир здесь богат не столько фауной и флорой, сколько древесиной и металлом. Дно реки устлано брёвнами, словно деревянной мостовой. Металлических тросов и цепей тоже хоть отбавляй!

И на поверхности Унжи занимательное зрелище! То тут, то там виднеются топляки. Это такие брёвна, которые отяжелели от воды, но ещё не затонули: небольшая часть бревна торчит из воды, целясь прямо в небо. Нужно различать топляки плановые и неплановые. Первые — это те, что затонули, так сказать, своевременно, когда план по утопу ещё только выполнялся. А неплановые топляки — это уже в счёт перевыполнения...

Чтобы подвести итог всему вышесказанному, добавим, что, по данным Юрьевецкого отделения госбанка, сверхплановый убыток на рейде достигает астрономической цифры: десяти миллионов четырёхсот восемнадцати тысяч рублей. Это сверх тех пятнадцати миллионов рублей убытка, которые заботливо запланированы рейду. Так было в прошлом году. А в текущем году, может быть, перекроют и этот рекорд...

Надеемся, что ни директор рейда тов. Ополичев, ни управляющий трестом «Костромалесосплав» тов. Андрианов не будут на нас в обиде за эту заметку. Ведь мы же отметили только перевыполнение рейдом плана!

Р. КЛЕВАКИН

Ник. КРУЖКОВ

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

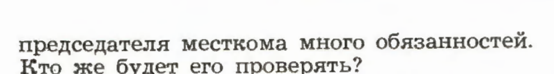
ПАДЕНИЕ «ОТЦА ОНУФРИЯ»

Как аккуратно вёл свои дела Павел Семёнович Онуфриев — наш председатель месткома, он же начальник эксплуатации! Какие у него были отличные папки — розовые, синие, коричневые! И в каком превосходнейшем порядке лежали они в несгораемом шкафу, ключ от которого неизменно хранился в одном из объёмистых карманов Павла Семёновича! А сколь великолепно были составлены планы и графики!

Особенной красотой и блеском отличались протоколы собраний и совещаний. За ними Павел Семёнович следил с крайней тщательностью. Здесь каждое слово взвешено, все формулировки точны — ничего лишнего. Правда, при чтении их решительно ничего не оставалось в голове: ручейком текли привычные формулировки — углубить, усилить, развить, укрепить,— живой мысли не чувствовалось, но это менее всего смущало Павла Семёновича.

Была ещё у Павла Семёновича «совершенно секретная» книжечка, которую он никому не показывал, но которой весьма умело пользовался. Книжечка называлась скромно: «Для памяти». В ней круглым, ровным почерком Павла Семёновича записывались — для памяти! — различные «происшествия» из жизни членов коллектива: «Сего числа гл. инж. был под хмельком, проследить, предупредить», «Сего числа начальник гаража что-то долго беседовал с экономистом Розой Абрамовной, заметить в рассуждении морали», «Сего числа узнано, что диспетчеру Комарову были доставлены шофёром Жарковым дрова, откуда?», «Сего числа главбух не пришла на работу, якобы больна, но её видели в городе»...

Все перечислялись в этой книжечке, одной только личности в ней не было — самого Павла Семёновича.

Не думайте, что Павел Семёнович был человеком резким, принципиальным, этаким борцом за правду,— отнюдь нет. Со всеми он говорил елейно, мягко, обходя острые углы, посмеиваясь, к начальству был почтителен, к подчинённым относился с таким видимым добродушием, что невольно хотелось сказать: «Экий душа человек!»

Свою книжечку «Для памяти» Павел Семёнович просматривал обычно перед тем, как идти в трест или в управление. Там-то он и пользовался ею в качестве разящего оружия. Всё знал Павел Семёнович, но то, что знал, изрекал в тиши кабинетов, при закрытых дверях, с глазу на глаз, чтоб при случае можно было и отвертеться: никогда, мол, я этого не говорил, откуда вы взяли?

Иногда он извлекал её и на собраниях, но это бывало только в тех случаях, когда кто-нибудь раскрывал рот, чтобы покритиковать самого Павла Семёновича. Павел Семёнович смиренно выслушивал критику (критику надо любить!), а потом в два счёта перешибал смельчака пополам, мягким, воркующим говорком упомянув, что хотя, к примеру, товарищ Тарасов, может быть, и прав, но сам-то товарищ Тарасов не очень хорош: недавно опоздал на работу, грубоват с подчинёнными, такого-то числа уклонился от политзанятий. А так как это была правда, то товарищ Тарасов лез в кусты, кляня в душе самого себя: «Чёрт меня дёрнул связаться с этой ехидной, хорошо ещё, что не пронюхал, как я сгонял машину за картошкой». Но Павел Семёнович знал и это, только промолчал, сберёг для следующего случая.

Павел Семёнович являлся на службу с пунктуальной точностью, но, повертевшись в диспетчерской часа два, исчезал затем едва ли не на целый день.

— Я в трест,— говорил он.

Или:

— Я на бетонный завод.

Ну что ж? У начальника эксплуатации и председателя месткома много обязанностей. Кто же будет его проверять?

И часто бывало так, что, удалившись из пределов автоконторы (в трест!), Павел Семёнович прямым ходом шёл к себе домой.

Павел Семёнович любил свой дом истинной, нежнейшей любовью. Здесь он чувствовал себя в родной стихии. Здесь не надо было извлекать книжечку «Для памяти». Здесь не надо было похохатывать и лебезить, здесь не нужны были бумаги, акты и протоколы с круглыми, обтекаемыми формулировками, здесь, за пределами солидного забора, выкрашенного в зелёную краску, даже голос менялся у Павла Семёновича, становился крепче, басовитей. Рыжий пёс Барбос встречал его с нелицеприятной преданностью. Дебелая супруга Мария Федотовна проворно готовила завтрак. В сарае радостно хрюкал кабанчик, которого Павел Семёнович откармливал к праздникам. Корова Красулька приходила с поля томная, важная. Павел Семёнович любил смотреть, как Мария Федотовна доит её и струйки тёплого молока наполняют эмалированное ведро. Любил также Павел Семёнович взять лопату и поковыряться на огороде или в садике, самолично посаженном,— не потому только, что считал это полезным для здоровья, но и потому, что был скопидомом.

Павел Семёнович, как можно догадаться, являлся владельцем собственного дома, «на кровные денежки купленного». Правда, возникал при этом вопрос, откуда такое количество «кровных денежек» завелось у Павла Семёновича, но вопрос этот можно почесть и неделикатным. Злые языки утверждали: не обошлось тут без того, что называется «использованием служебного положения»: возили ему шофёры и песок со строительства, и шлак для засыпки фундаментов, и кирпич для печей,— ну, да мало ли что говорят злые языки! Доказать надо!

Вот в собственном домике и проводил Павел Семёнович добрую половину своего рабочего дня, включая, конечно, законный обеденный перерыв, с тем, чтобы появиться в конторе часов в пять, иногда немного раньше, к какому-нибудь собранию, заседанию или совещанию. Собраний и совещаний в конторе было великое множество: надо же выполнять планы «массово-общественных мероприятий»! А Павел Семёнович был точен и на совещания никогда не опаздывал. Едва закончится заседание месткома, глядь, у главного инженера собралось производственное совещание. Павел Семёнович спешит туда, там произнесёт речь, о чём — значения не имеет, кого-нибудь предупредит, кому-нибудь укажет, к чему-нибудь призовёт. Делает редколлегия стенной газеты «За рулём» очередной номер к торжественному празднику (других номеров не было, но к празднику обязательно), Павел Семёнович и сюда заглянет, да ещё, глядишь, передовицу принесёт под заголовком «Больше внимания очередным задачам».

Неутомимый человек был Павел Семёнович и всюду успевал!

К тому же следует заметить, что Павел Семёнович партийные и профсоюзные взносы платил аккуратнейшим образом, хоть и вздыхал при этом, жалуясь на скудость; выпивал всегда единолично, только в присутствии верной Марии Федотовны; женским полом не интересовался вовсе и даже, напротив, решительно осуждал «тех, которые» и т. д.; на собраниях, как мы уже знаем, был весьма активен; анкету имел превосходнейшую, родственников же не имел вовсе, ввиду чего и почитал себя счастливым: чёрт их дери, этих родственников, всегда с ними что-нибудь случается!

И всё-таки Павел Семёнович Онуфриев пал.

Не спасли его ни протоколы с округлыми формулировками, ни образцовый порядок в папках, ни елейный голосок...

И что же погубило его? Та же заветная книжечка «Для памяти».

Был у нас в коллективе механик Иван Яковлевич Гамаюнов — человек дельный и скромный. Его авточасть работала хорошо, ремонт был налажен как полагается, по-хозяйски. Механик цену себе знал, но держался всегда несколько робко, начальству на глаза не лез, на собраниях обычно помалкивал, сидя где-нибудь в уголке. И, как часто бывает, его никто и не замечал. «С неба звёзд не хватает,— говорили про него,— тихий мужичок».

И уж, конечно, Павлу Семёновичу в голову не приходило, что именно у этого Гамаюнова лежит в кармане бомба, на которой суждено было подорваться ему, Онуфриеву, общественнику и руководителю.

Шло профсоюзное собрание, и Павел Семёнович делал доклад. Обложенный бумагами, выписками и записями, он, стоя на трибуне, заливался соловьём. И, как всегда, речь его носила такой усыпляющий характер, что добрая половина аудитории дремала или зевала во весь рот. Из доклада Павла Семёновича было видно, что в работе им возглавляемого месткома есть достижения, но есть и недочёты, что достижения надо укреплять и развивать, а недочёты, совершенно напротив, подлежат искоренению при помощи острой, разящей самокритики, к чему в заключение своего доклада и призвал Павел Семёнович. Всё было правильно в его докладе, все точки и запятые стояли на месте, ничего, кажется, не упустил опытный докладчик, но вместе с тем оставалось такое ощущение, что нет в этом докладе ни крови, ни мяса, а так, жуёт Павел Семёнович перед всеми длинную мочалку, жуёт долго, основательно и никак проглотить не может...

— Кто просит слова? — спросил после доклада председатель.

Но слова никто не просил. Народ сидел, покряхтывал, но выступать явно не хотел. Томительную паузу прервал сам Павел Семёнович.

— Что же вы, товарищи! — воскликнул он.— Говорить, что ли, не о чем? По углам шепчетесь, а на собрании помалкиваете. Так не годится. Самокритика нам нужна, как воздух. Критикуйте. Начните хоть с меня, я не возражаю, наоборот...

И тут, к общему удивлению, и, пожалуй, больше всего к удивлению Павла Семёновича, выступил наш «тихий мужичок», механик Иван Яковлевич Гамаюнов.

— Дайте уж я,— сказал он с несколько сконфуженным и вместе с тем сердитым лицом.— Конечно, я не оратор...

Но, на горе Павла Семёновича и к удовольствию всех собравшихся, «тихий мужичок» оказался оратором превосходным. Медленно, цедя слово за словом, он начал как раз с того, к чему не очень искренне призывал Павел Семёнович,— с критики самого Павла Семёновича. Это был тот разговор начистоту, которого давно все ждали и желали. Иван Яковлевич Гамаюнов осмелился громогласно заявить, что наш председатель месткома и начальник эксплуатации — всего только аккуратный чиновник, что людей он не знает и не любит и люди его не любят, что все его речи и отчётные доклады — пустопорожняя болтовня, что он больше всего мелкий собственник и меньше всего производственник и коммунист, что он подхалим и клеветник, что в чужом глазу он видит сучок, а у себя не замечает и бревна.

Если бы вы видели в это время Павла Семёновича! Он то краснел, то бледнел. Временами глаза его метали молнии, а временами опускались долу. Он несколько раз пытался сбить оратора репликами: «О себе скажите», «А вы что смотрели?», «Почему раньше молчали?» — и прочими в таком же духе. Но оказалось, что сбить Гамаюнова не так-то легко.

И ведь скажите, до того разошёлся наш Гамаюнов, что и завершил-то свою речь этакой эффектной ораторской концовкой:

— Вас, товарищ Онуфриев, знаете, как рабочие зовут? Отец Онуфрий.

— Вы плетётесь в хвосте отсталых масс!..— пытался отпарировать ему Павел Семёнович, но ответ этот утонул в громе хохота.

Тогда Павел Семёнович вынул из кармана свою заветную книжечку и начал её судорожно листать. Все мы поняли, что ищет он страничку на букву «Г», дабы сразить Гамаюнова какой-либо ехидной справкой из его биографии или производственной деятельности, но — увы! — на физиономии Павла Семёновича отразилось горькое разочарование: страница на букву «Г» была пуста, и никаких записей ядовитого свойства по адресу Гамаюнова не было. Испытанное оружие в самый необходимый момент дало осечку.

Как часто бывает, лиха беда — начало: Гамаюнов начал, другие продолжали, и уж тут досталось Павлу Семёновичу! Своё заключительное слово Павел Семёнович произносил так, что еле было слышно даже в первых рядах; он, конечно, признавал свои ошибки, обещал исправиться, извлечь уроки и в завершение с некоторой даже слезой сказал:

— Каюсь и отмежёвываюсь, хотя заранее признаю, что моё отмежевание явно недостаточно.

Вскоре после этого встретил я Павла Семёновича у калитки его дома: став на лестницу, он приколачивал к воротам вывеску. На ней было написано: «П. С. Онуфриев».

— Как дела? — спросил я, чтобы что-нибудь спросить.

— Жду назначения на новую работу. Ухожу от вас.

— Почему же?

— Скомпрометирован. Подорван мой авторитет. А я без авторитета работать не могу. Но я ещё себя покажу! Вот она, здесь у меня, книжечка, в ней всё записано! А что ещё не записано, то будет записано.

И он, хлопнув себя по боковому карману, с остервенением вколотил последний, четвёртый по счёту, гвоздь в свою вывеску.

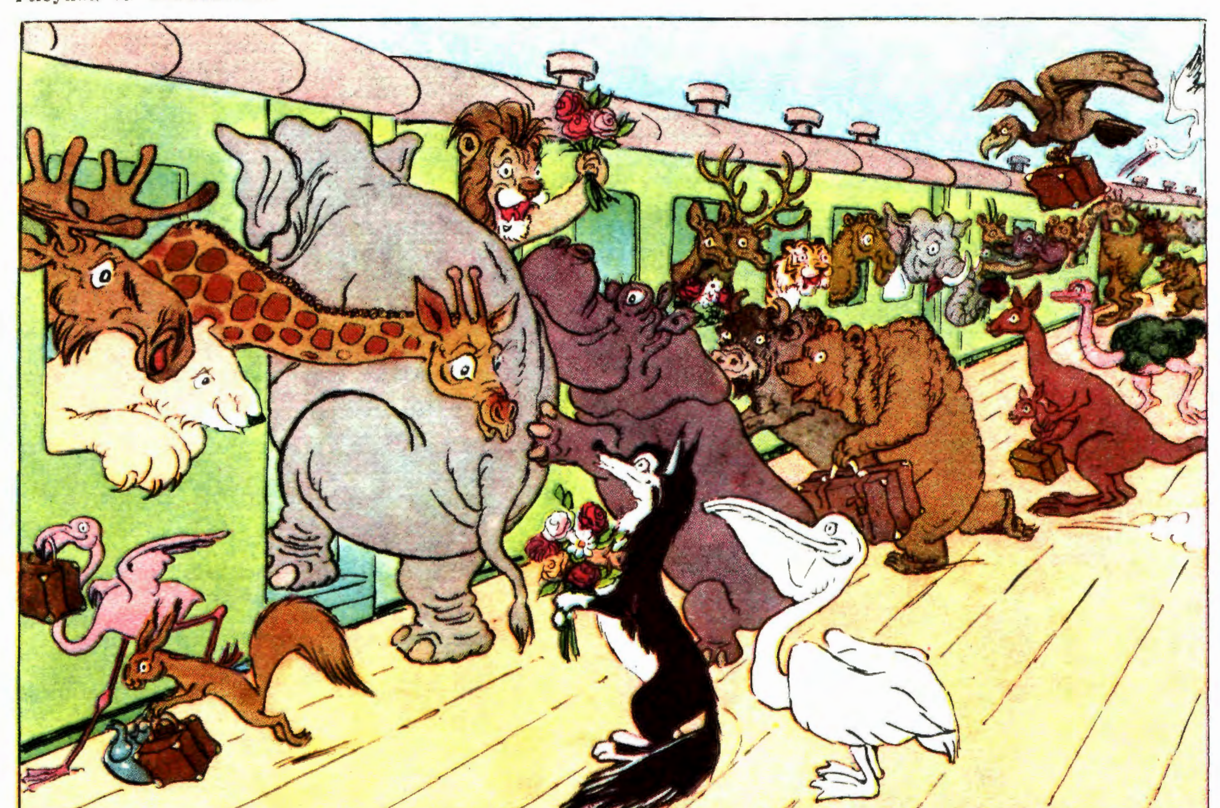
У ЗНАХАРКИ

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

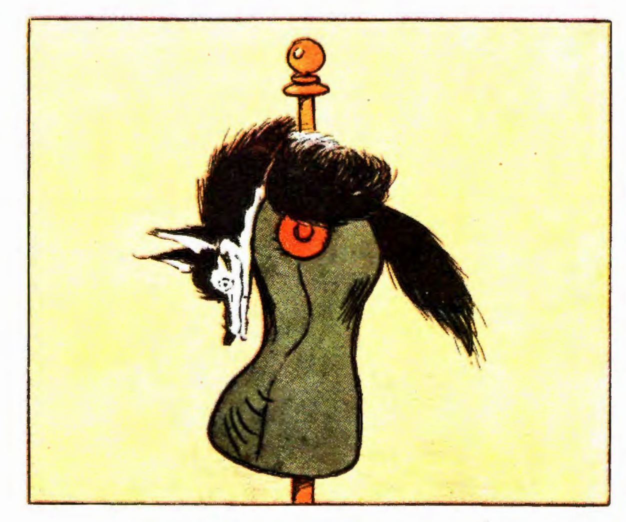

— А это лекарство хорошее!
— Не извольте беспокоиться — в аптеке покупала.

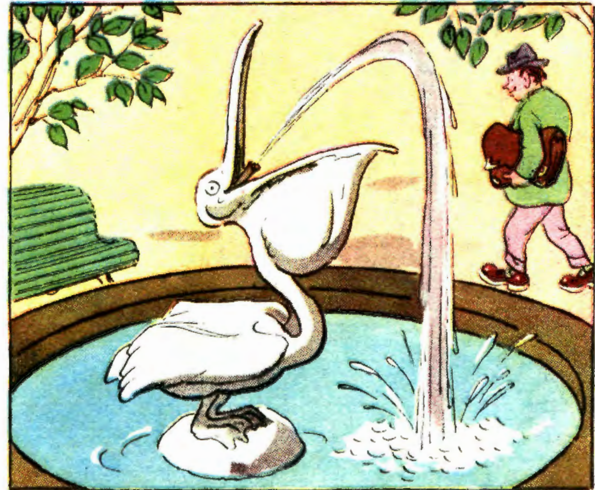
Рисунок А. БАЖЕНОВА.

— Нам предложили интереснейшие места по освоению новых лесных насаждений, а вы не едете!
— Зачем! Мы устроились на работу в центре...

...я занимаю должность чернобурки,

а я — видное место в парке...

Роман КОГАН

Признание таланта

Шутка

Стихи товарищ сочинял,
Они лиризмом подкупали.
Но ни газета, ни журнал
Его стихов не помещали.
А он не унывает, пишет
И просит только тишины.
Но каждый день товарищ слышит
Слова разгневанной жены:
— Какой же из тебя поэт!
Бумагу ты изводишь даром,
А до сих пор ни славы нет,
Ни имени, ни гонорара...
Но он всё пишет, шлёт. И вот
Ему приносят перевод.
Товарищ ходит, как во сне.
Все деньги отдал он жене.
Та сосчитала их прилежно
И в первый раз за много лет
Сказала, улыбаясь нежно:
— Да, ты действительно поэт...

Упрямая линия

Линейки артели «Учебные пособия» (г. Павлово-Посад) снискали печальную известность неправильностью своих форм.

В 31-м номере «Крокодила» за 1953 год об этом оповещались широкие круги читателей.

На протяжении последующих лет руководители артели упрямо продолжали гнуть свою линию.

Отныне во все учебники математики можно включить новое определение: «Кривой называется прямая линия, проведённая при помощи линейки, изготовленной артелью «Учебные пособия».

Полагаем, что линия руководителей артели тоже найдёт соответствующее определение. Но не в учебниках математики.

Вл. ФЁДОРОВ

Неприступное удобство

Спешит к стоянке гражданин,
Чтоб взять такси «Победу»:
«Прошу вас срочно в магазин».
Вдруг слышит: «Не поеду!»
«Позвольте, время нас не ждёт».
Ответ: «Машина не пойдёт...»
«Здесь ехать несколько минут!»
Ответ: «Невыгодный маршрут».
И в результате гражданин
Пешком добрался в магазин.

* * *

Рекламу мы на днях читали:
«Такси удобно».
А всегда ли!

ТЯЖЁЛЫЙ СЛУЧАЙ

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

— Никак одному не поднять! Впору хоть сторожа будить.

Агния БАРТО

У страха глаза велики

Странный характер
У школьника Вовки:
Вовка бледнеет
При виде обновки.
Новую кепку
Купили вчера —
Бедный мальчишка
Рыдал до утра.
Он отказался
От новых сандалий.
— Я не надену их! —
Вовка скандалил.
— Я не надену их!
В них не пойду!
Лучше умру я!
Имейте в виду...

Нравится Вовке
Быть плохо одетым.
Что ж он, неряха!
Нет, дело не в этом!
Вовка боится
(Поймите беднягу):
Вдруг ещё примут
Его за стилягу.
Лучше худые
Надеть башмаки.

Вот уж у страха
Глаза велики!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

ОРАТОР ИЗ КУРСАВКИ

Великие ораторы древности, опираясь на силу своего красноречия, могли творить чудеса. Но Демосфен, Цицерон и другие крупнейшие трибуны раскрыли бы рты от изумления, послушав хоть раз Андрея Алексеевича Скобликова. А между тем Скобликов — оратор молодой. Он не тренировался, подобно Демосфену, в красноречии на берегу моря, набрав в рот камней. Вряд ли он просиживал ночами над учебниками ораторского мастерства. И всё же его первое выступление два года назад на собрании колхозников Янкульской артели сразу закрепило за ним славу хорошего оратора.

За словами Скобликов в карман не лазил, не рыскал он и в портфеле в поисках затерявшейся цитаты. Казалось, он был нашпигован до предела звонкими словами, которые так и сыпались из его уст. И каждое новое слово было звонче предыдущего:

— Сделаем!.. Увеличим!.. Добьёмся!..

Нарисованные Скобликовым радужные перспективы, ожидавшие колхозников в том случае, если они выберут его председателем, всех пленили: энергичный оратор был избран главой артели.

Удачный дебют влил в Скобликова новые силы. Вскоре он продемонстрировал своё умение говорить на одном из совещаний в районе. А там пошло. На собраниях, заседаниях, совещаниях Скобликов выходил на трибуну и уверенным баском докладывал о перспективах возглавляемого им колхоза.

Порой его пламенные речи неслись в эфир. Иногда они увековечивались для потомства на страницах печати. А однажды Скобликов вышел, можно сказать, на всесоюзную арену.

— Мы увеличим производство шерсти в два раза не к 1960, а к 1957 году! — гремел он с трибуны межреспубликанского совещания по овцеводству в мае прошлого года. — У нас будет 60 тысяч овец! С каждой мы настрижём 14 килограммов шерсти!

— Мы заложили семь тысяч тонн силоса! — рапортовал Скобликов осенью того же года. — Мы создали страховой запас кормов! А это значит, товарищи, что наш крупный и мелкий рогатый скот будет иметь необыкновенно питательный, изумительно вкусный и исключительно богатый рацион!

На самом деле никакого богатого рациона не было, была лишь богатая фантазия оратора.

В экстазе красноречия Андрей Алексеевич забывал, конечно, упомянуть о кое-каких «мелочах». Да и стоило ли широко оповещать, что в его колхозе не выращено ни одного килограмма семян гибридной кукурузы, что артель не имеет ни одного килограмма семенного картофеля?

Этак недолго и весь эффект от собственного выступления испортить!

Иногда, оторвавшись от подготовки к очередной речи, Скобликов вызывал к себе в кабинет бригадиров и заведующих фермами. Как-никак, а руководитель обязан общаться с массами. Впрочем, массы от этого общения особого удовольствия не испытывали. Председатель ожидал бодрых рапортов о полном благополучии, а посетители вместо этого чего-то требовали, напоминали, указывали.

— Когда же мы птицеферму достроим? — беспокоился один.

— Своевременно,— откликался Скобликов. И после непродолжительного раздумья добавлял: — Или несколько позже.

— С надоем молока неважно,— напоминал другой. — За первый квартал план выполнили всего на 9,8 процента. С кормами плохо...

— Знаю! — отрубал председатель. — Слышали мою речь? Стало быть, понимать должны, что недостатки устраним, производство кормов наладим, рацион обеспечим!..

Какими путями собирался Скобликов обеспечивать рацион, сказать трудно. Если раньше с наступлением зимы скот питался преимущественно сеном и соломой, то с приходом Скобликова положение резко изменилось: овечье меню стало состоять из одной соломы.

Такой рацион был не по овечьему нутру. Овцы громко блеяли, требуя корма, о котором много и красочно распинался председатель. А Скобликов мог им предложить всё: планы, тезисы докладов и выступлений по радио, вырезки из газет, свои журнальные статьи, — словом, всё, кроме пищи.

И бедные овечки от голода сотнями стали отходить, как говорится, в мир иной. В мае этого года, в годовщину торжественного выступления Скобликова на межреспубликанском совещании, овечек, безвременно покинувших грешную землю, насчитывалось в колхозе четыре тысячи.

Давно уже многословные рассуждения председателя никого не трогают в колхозе. Зато за его пределами красноречие Скобликова попрежнему действует неотразимо. И руководство Курсавского района не нарадуется на Андрея Алексеевича. Ещё бы! Он и председатель, и оратор, и радиовещатель...

Кто знает, может быть, чтобы окончательно повергнуть в прах славу древних ораторов, попытается как-нибудь Андрей Алексеевич доказать, что овец он послал на небеса в командировку. За райской пищей. При том доверии, которое испытывают районные руководители к его словам, убедить их будет не так уж трудно.

А. КУЛИКОВ

г. Ставрополь.

В Венеции много иностранных туристов-художников из западных стран. Все они работают с натуры. Но натура им нужна лишь для того, чтобы их «произведения» как можно меньше были похожи на неё.

Как в натуре.

«ИСКУССТВО» и ЖИЗНЬ

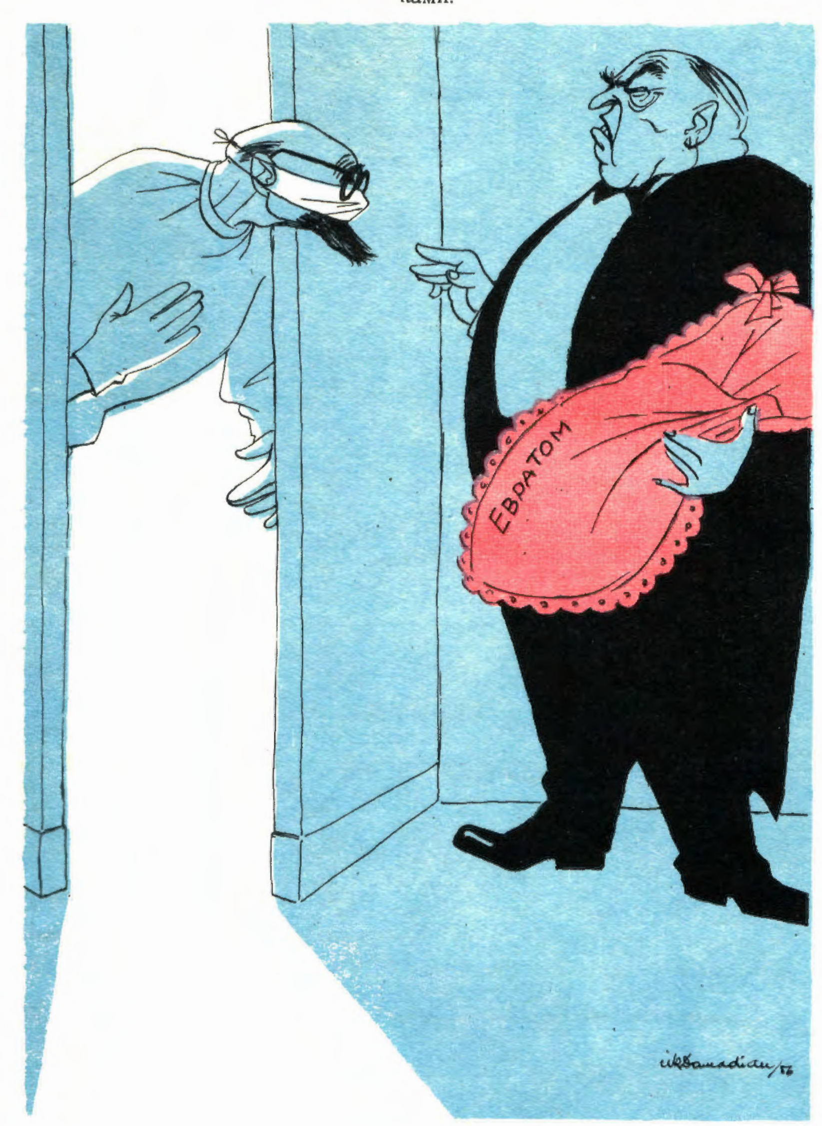
На международной художественной выставке «Пьеннали» в Венеции многие павильоны заполнены абстрактными «произведениями». Как правило, эти павильоны совсем не посещаются зрителями.

Павильон уединения.

Рисунок румынского художника Чика ДАМАДИАНА, выполненный для «Крокодила».

В Евратоме — планируемом атомном объединении шести западноевропейских стран — обнаруживаются глубокие противоречия между его участниками.

— Должен вас предупредить, сэр: ребёнок может оказаться мертворождённым!

Раз некто спрашивал
(Как будто сам не знал!):
— Кому принадлежит египетский канал!
Ему ответили:
— Согласно манускрипту,
В котором собрана вся мудрость за сто лет,
Один-единственный возможно дать ответ:
ЕГИПЕТСКИЙ канал принадлежит ЕГИПТУ!

Эмиль КРОТКИЙ

Сорин РЭШКАНУ

СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ

Я как-то встретил своего друга, писателя Икса. У него был вид необычайно занятого человека.

— Что поделываешь, маэстро?

— Ах, это ты, дружище! Да что мне и делать, дорогой мой! Сам видишь, творческая лихорадка...

— Пишешь что-нибудь?

— Да... Повесть... Не найдётся ли у тебя времени немного проводить меня?

Он взял меня под руку, и мы зашагали рядом.

— Дорогой мой,— продолжал приятель,— я задумал написать нечто крупное... Мощное... Не согласишься ли ты зайти на минутку сюда?

Он остановился перед универсальным магазином. Мы поднялись наверх, и он подошёл к одному из отделов.

— Будьте добры, мне нужен ковёр в румынском стиле,— обратился он к продавцу.

Тот принёс несколько ковров. Мой коллега выбрал один из них, и затем мы спустились этажом ниже. Мой друг остановился у прилавка с домашней утварью.

— Товарищ продавец, я хотел бы приобрести несколько глиняных мисок... И деревенских кувшинов...

Он купил с дюжину всяких вещей.

Меня это заинтересовало:

— Ты что, в деревню собрался, дружище?

Он загадочно улыбнулся:

— Сейчас узнаешь.

Мы спустились ещё этажом ниже. Тут он запасся маленьким столиком и несколькими табуретками. Лицо его сияло.

— Для чего тебе всё это, милейший? — спросил я у него, когда мы вышли на улицу.

Он снова взял меня под руку.

— Я хочу написать нечто грандиозное. Ведь я уже говорил тебе. Да. Повесть из жизни села.

— Ну и что же?

— То есть как «что же»? А обстановка? Среда? Атмосфера?

— Отправляешься в деревню?

Он разозлился:

— Да как ты не понимаешь! Есть из-за чего мне тащиться в деревню! Деревню я привезу к себе. Устраиваю комнату в крестьянском вкусе. Знаешь, ту, что выходит в сад. Купил уже клетку с несколькими птичками, вот готова и обстановка! Соображаешь? Ну, сколько времени я мог бы вытерпеть в деревне? От силы недельки две, три... А так я прихожу домой, как в деревню. Сплю в деревне, вкушаю пищу в деревне, пишу в деревне. Что на это скажешь?..

Немного погодя я собрался с мыслями и спросил:

— Ну ладно, а где же люди?

— Я предусмотрел и это! В одном селе под Бухарестом есть у меня дядька...

— Значит, ты всё-таки поедешь?

— Да зачем же! Я пригласил его к себе. Понял? Когда я буду писать повесть, он будет жить у меня. Ведь говорил же я тебе: я хочу написать нечто грандиозное...

Тут я не удержался:

— Послушай, а ведь ты кое-что забыл...

— Ну?

— Ты, брат, запасись крестьянскими домотканными портами и обязательно напяль их. Не вздумай писать о деревне в халате! Даже и не пытайся: ничего не выйдет.

Он погрузился в раздумье. Тут я оставил его одного. У меня были свои дела.

Я встретил его через неделю.

— Что поделываешь? Куда торопишься? — остановил он меня.— Знаешь, повесть, о которой я говорил тебе, у меня отлично продвигается... А ты не пишешь ничего?

У меня завертелась в голове озорная мысль.

— Ну, конечно, пишу... Роман.

— Серьёзно? Молодец! И хороший?

— Увидим... Роман на индустриальную тему. Но вот незадача...

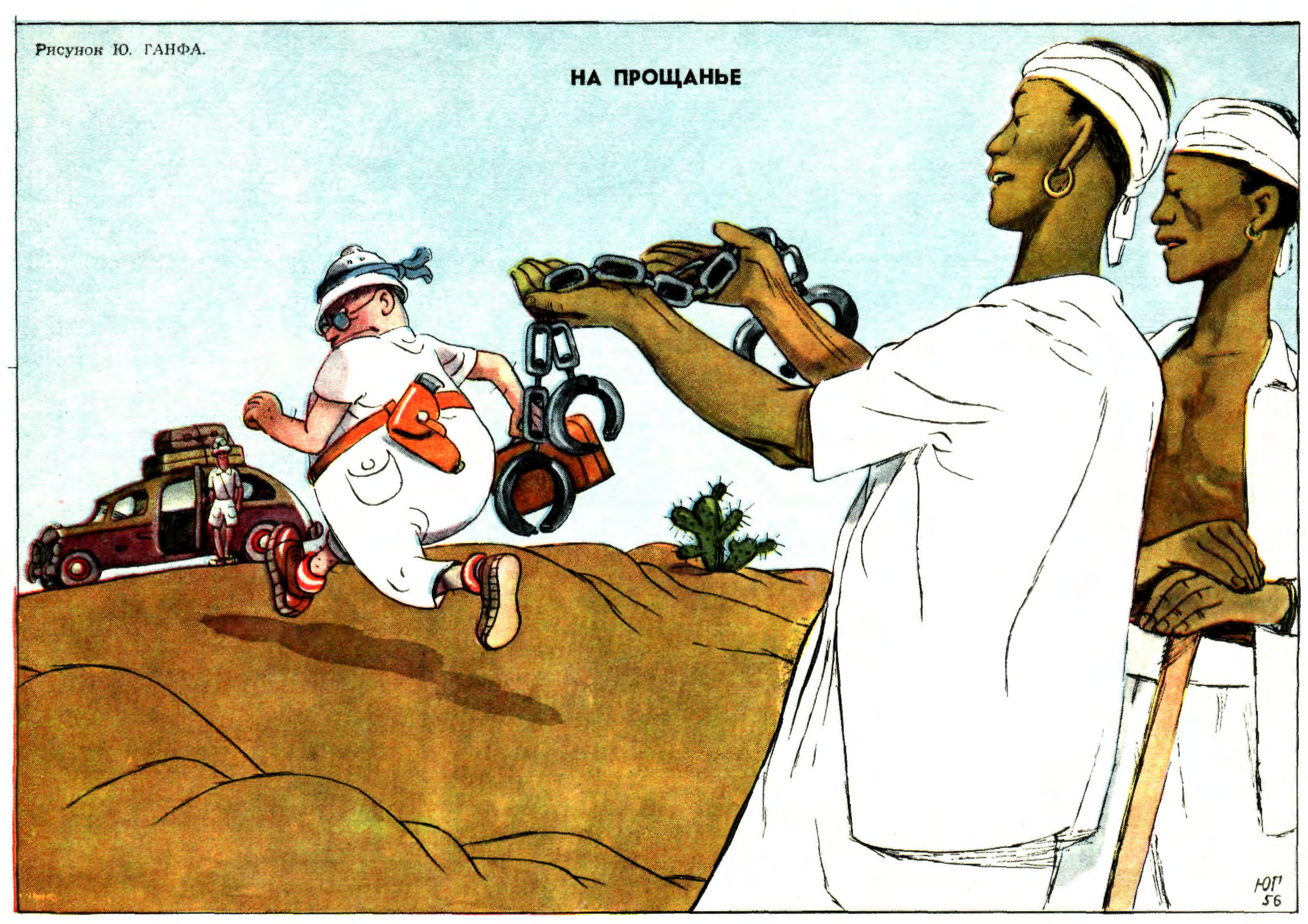
— А в чём дело, дружище?

— Да разве я тебе не сказал? Пишу-то ведь я роман индустриальный! Обстановка, атмосфера, среда...

— Ну и что же?

— Как «что»! Битых два дня отчаянно стараюсь купить себе доменную печь и, представь себе, не нашёл ни единой во всём Бухаресте!

Из журнала «Урзика»
Перевёл с румынского А. ТИМАШЕВ.

— Мистер колонизатор, вы свои вещички забыли...

НА ТУРИСТСКОЙ ТРОПЕ...

Когда мы, группа советских журналистов, были в Америке, нас часто спрашивали: скоро ли наконец наладятся такие добрососедские отношения, когда можно будет американским туристам ездить в Советский Союз и советским — в США?

Этим интересовались журналисты в Нью-Йорке, коммерсанты в Сан-Франциско, молокане в Лос-Анжелосе, фермеры в Аризоне. Мы, как оптимисты, утверждали, что всё идёт к этому и что дело за немногим — всего-то и нужно для этого, чтобы госдепартамент убрал с туристской тропы рогатки и ограничения. Что касается Москвы, то она уже открыла свои двери для туристов, в том числе и для американских.

И хотя мы говорили чистейшую, абсолютнейшую правду, некоторые американцы нам не очень верили: начитавшись своих газет, они представляли дело таким образом, что для иностранца наша страна закрыта стальными воротами на пудовом замке. А одна американка и вовсе развеселила нас, выразив опасение: не украдут ли её в Советской стране, если она приедет в качестве туристки?

Теперь уже всему миру известно, что американские туристы к нам ездят, что никому из них воображаемые стальные ворота носа не прищемили и что никто из них не украден и не потерялся. Все они возвращаются домой, полные разнообразных впечатлений, и все в один голос говорят о радушии и гостеприимстве советских людей. «Я увожу с собой самые приятные впечатления и воспоминания»,— пишет турист, инженер Г. В. Морган. «Скрипачи обращают свои взоры к России»,— писал после своих гастролей скрипач Исаак Стерн. Чего же ещё? Выражаясь языком восточных пословиц, в результате таких поездок плесень лжи высыхает под солнышком правды. Не в этом ли заинтересованы сейчас народы больше всего?

Правда, визиты эти пока односторонние— к нам. Госдепартамент США рогатки на тропе туризма ещё не убрал. Но, кажется, всё идёт к тому, что это придётся сделать, в первую очередь под давлением общественности.

Как же готовятся к этому в Америке? Печатают карты маршрута через Атлантику и Европу, авиационные и пароходные расписания, выпускают специальное туалетное мыло с маркой «Нью-Йорк — Москва», готовят туристские разговорники? Отнюдь нет!

Прежде всего выясняется, что сторонники «холодной войны» боятся туризма в Советский Союз, как снежная баба огня. Газета «Дейли ньюс» пишет, например: «В течение некоторого времени в Вашингтоне усиленно говорят о том, что Соединённые Штаты и Советская Россия должны развивать торговлю, должны чаще обмениваться визитами официальных представителей, туристов и т. д. Ожидают, что в ближайшее время президент одобрит соответствующую политику в этом вопросе, разработанную недавно в правительственных кругах. **Мы не в восторге от этой идеи»...**

Может быть, газета «Дейли ньюс» боится, подобно упомянутой выше пожилой американке, что мы уворуем её сотрудников, которые могут соблазниться поездкой? Может быть, опасается, что какой-нибудь советский турист, рабочий или служащий, утащит в кармане жилета небоскрёб «Эмпайр стейт билдинг»?

Нет. Газета «Дейли ньюс» боится правды, которую могут увидеть в Москве американские туристы, боится общения и добрых отношений между советским и американским народами.

В чём же видит она выход из положения? А вот в чём.

Если уж, по мнению газеты, туризм — такое зло современности, с которым невозможно бороться даже правящим кругам США, когда людьми овладевает охота к взаимным знакомствам, то надо и это обстоятельство использовать для разжигания недоверия. Вот как рекомендует подбирать туристские группы газета «Дейли ньюс»:

«Пусть Центральное разведывательное управление Аллена Даллеса направляет в Россию соответствующее число шпионов в числе как официальных, так и неофициальных посетителей. Пусть эти агенты подстрекают антикоммунистическое подпольное движение, завязывают контакты с американскими шпионами, действующими сейчас за железным занавесом, и т. д.».

До чего же любит «Дейли ньюс» это самое «и т. д.»! А что стоит за ним? Предоставим слово «теоретику» американской разведки Шерману Кенту. По его словам, в это самое «и т. д.» входят: «подстрекательство к измене родине, запугивание, террор, подкуп, шантаж, саботаж и диверсия во всех их видах, насильственное похищение людей, убийства, устройство засад, создание отрядов вольных стрелков и подпольных армий».

Вот какие «путеводители» готовит кое-кто в Америке для американских туристов! Прямо скажем, программа уплотнённая. Нагрузка такая, что вместо отдыха и надорваться можно!..

Николай ГРИБАЧЁВ

о плавающих и путешествующих

Пароход идёт по Волге

«НЕ СХОДЯ С БОРТА»

Пароход «Александр Пирогов» дал третий гудок низким, густым, как и полагается басу, голосом и отвалил от Южного речного вокзала Москвы.

Иван Фёдорович Захаров, помощник механика парохода «Александр Пирогов», излил нам свою душу. Старый волгарь Захаров полюбил присказку: «Не сходя с борта»,— нечто вроде популярного сухопутного выражения: «Провалиться мне на этом месте».

Вот что рассказал Иван Фёдорович:

— Каюты первой категории? Красота и удобства, не сойти с борта! Каюты второй категории? На речной пароход непохоже: четыре койки, и две из них подвешены, как на железной дороге или на океанском гиганте. Едет, допустим, пара отдыхать, а её вселяют в такое общежитие к другой паре. Разве им интересно? А третья категория? Это места жёсткие, но на других пароходах всё же пассажирам предоставляют удобные каюты на нормальном уровне. А у нас? В прошлый рейс села к нам с билетом третьей категории старушка. Как увидела, сердечная, яму в трюме, куда её посадили,— скорей обратно. А объяснила так: «Ты меня, милый, физкультурой не заставляй заниматься, я в свои годы по таким лестницам не ходок. Света божьего в этой яме я не вижу, а в потолок смотреть — мало радости. Чего доброго, и свою пристань прозеваю. Я уж лучше посижу на палубе». И ведь права бабуся, не сходя с борта!

Как же появились на наших реках пароходы, не приспособленные для людей?

Несколько лет тому назад с железнодорожного на водный транспорт был переброшен новый начальник, С. Т. Ковылкин, ставший руководителем Волжского пароходства. Он соизволил лично посетить несколько подведомственных ему пароходов и сразу обнаружил крупное упущение.

— Что это? — строго спросил он, тыча перстом в воздух над обычной койкой в каюте, и ответил сам:— Пустота! Воздух! Эфир! Ничто! А в переводе на язык настоящих хозяйственников — это расточительство. Почему внизу койки, а вверху их нет? Чему учит нас опыт железнодорожного транспорта? Тому, чтобы мы рационально, с умом использовали доверенное нам государством воздушное пространство. Нужно сделать койки в два этажа.

Брошенному на воду железнодорожнику не понравились и пароходные гудки.

— Традиция? — презрительно переспросил он. — В таком случае реакционная традиция. Отменить с сего числа. Ввести свистки, как это положено главным кондукторам на железной дороге.

Над Волгой стало тихо. Капитаны робко посвистывали, напоминая начальству о незабвенной железной дороге.

Ковылкина уже давно нет в Горьком. Сразу же после его ухода вновь подали свои бархатные голоса реабилитированные гудки. А койки продолжают висеть и на «Александре Пирогове», и на «Алексее Толстом», и на «Демьяне Бедном», и на многих других однотипных пароходах.

Не раз подымался в Министерстве речного флота РСФСР вопрос о переоборудовании, но как-то неудобно было ломать то, на что министерство дало согласие. Ведь не один же Ковылкин в конце концов виноват!

СОН В РУКУ

В Горьком мы покинули пароход «Александр Пирогов», причаливший к стоявшему рядом пароходу «Усиевич», и заняли комнатку в аккуратненькой гостинице на местном дебаркадере. Мы решили вздремнуть, но сон, который нам навеял уважаемый бог снов Морфей, оказался необычным: это был разговор стоявших по соседству пароходов.

— Привет собрату! — пробасил «Александр Пирогов».

«Усиевич» отозвался насмешливо:

— Привет, пустышка!

Мы сначала не поняли, почему так уничтожающе именуется новый и красивый пароход, но скоро всё разъяснилось. «Усиевич» продолжал:

— Топливо тратишь, команда деньги получает, а ты идёшь почти без груза и без людей?

— Положение прежнее,— грустно сознался «Александр Пирогов». — Мест у меня четыреста, а пассажиров нет и полусотни.

— А груз?

— Один грех. Вместимость, как у карлика,— 20 тонн, а я ещё и недогружен наполовину. С грузами, сам знаешь, нет никакого порядка.

— Так ты, друг любезный, не прибыль приносишь государству, а убыток?! — возмутился «Усиевич».

— Убыток! — уныло повторил «Александр Пирогов».— Меня так и зовут: пароход-нахлебник. В июне затратили на меня 134 500 рублей, а дал я государству 98 694 рубля. А у тебя дела идут?

— Как всегда! — пыхтя парами от удовольствия, ответил «Усиевич». — Я, брат, старой конструкции. Могу груза брать 160 тонн. Если есть пассажиры, мне это помогает выполнять план, а ранней весной и поздней осенью, когда отдыхающих почти нет, один груз оправдывает мои рейсы.

— Завидую! — вздохнул «Александр Пирогов».— Ты трудишься шесть месяцев — от льда до льда. А я с грехом пополам четыре, а потом — в затон до следующего сезона. Поневоле убыточным станешь!

— Ну, ладно, отваливай! — не очень любезно закончил разговор «Усиевич».— Мне надо идти грузиться на Сибирскую пристань.

Пустой красавец послушно отвалил.

Как ни странно, восстановив утром в памяти приснившийся фантастический разговор пароходов, мы узнали, что все факты и цифры совершенно реальны и точны.

Скажи, пожалуйста, чего только не приснится на Волге!

НЕ ЦИФРЫ, А ОБВИНЕНИЕ

Все эти недостатки касаются главным образом судостроения. Любопытно знать, как обстоят дела с эксплуатацией судов?

Оказалось, что и в Москве, и в Горьком, и в Молотове пароходы постоянно уходят в дальние рейсы со свободными местами. В июне этого года на каждом пароходе, шедшем из Горького в Москву, Астрахань и Молотов, оставалось до 200 и даже до 270 свободных мест, то есть больше половины. Красавец-пароход «Спартак» 2 июля ушёл из Горького в Астрахань, имея 260 свободных мест, в том числе 61 мягкое в каютах первой и второй категорий.

Да разве «Спартак»—исключение? На пароходах, отправившихся из Горького в июне этого года по разным направлениям (до Астрахани, Ростова, Молотова, Уфы), оказались незанятыми около двух тысяч (!) мягких мест.

Именно в это самое время энтузиасты-москвичи записывались «на билетик» за три месяца вперёд и бодро устраивали переклички.

Чем же объяснить такой хаос с продажей билетов? Тем, что кассам дают бесчисленное количество броней, которыми, как правило, учреждения не пользуются, а выясняется это после третьего гудка? Или тем, что пароходства предельно ленивы по части издания проспектов, реклам и извещений?

Или, наконец, тем, что билет легче достать у спекулянта, чем купить в кассе? Необъяснимо только, откуда спекулянты достают билеты, какая бабушка им ворожит?

МНОГОСТРАДАЛЬНОЕ МОЛОКО

Из Горького в столицу мы возвращались на пароходе «В. Г. Белинский» линии Молотов — Москва.

«Здесь на конкретном примере познакомимся с грузовыми операциями»,— решили мы.

И познакомились.

5 июня с пристани Соколки на пароход «В. Г. Белинский» погрузили пять ящиков запасных частей для сельхозмашин (накладная № 102/679). Их надо было доставить через Кострому в Иваново. В Костроме ящики не приняли:

— У нас нет прямой дороги до Иванова. Везите в Ярославль.

Но и Ярославль не захотел возиться с транзитным грузом.

Нечего делать, пришлось везти ящики дальше. Короче говоря, их не приняли ни в Москве, ни во время обратного рейса в Ярославле и Кинешме. И только в Горьком на десятый день путешествия капитан соседнего с «В. Г. Белинским» теплохода «Борис Щукин» согласился выручить друга и сдать ящики железной дороге вместе со своим грузом.

Одиннадцать тонн сухого молока (накладная № 91721) назначением в Москву, в Южный порт, было погружено с камской пристани Мурзиха на местный пароход «Вера Фигнер», хотя можно было сдать груз пароходу прямой линии Уфа — Москва. Молоко перегружали ещё трижды — на «Мусоргского», «В. Г. Белинского» и паузок, который в конце концов и дотащил многострадальный груз до финиша.

Недавно по этому же маршруту, что и мы, проследовал сам заместитель министра речного флота РСФСР В. М. Пташников. Все ждали, что он наведёт порядок.

Нет!

Шум лебёдок, загружающих трюмы, не беспокоил В. М. Пташникова; висячих коек он не обнаружил; пассажиры не досаждали заместителю министра жалобами на хаос с продажей билетов. Дело в том, что В. М. Пташников плыл по живописным плёсам Волги на комфортабельном персональном пароходе «Плёс».

Только потому он, наверное, и не заметил, что на Волге не одни только красоты.

Рейдовая бригада газеты «Московский водник» и «Крокодила»
Юр. АРБАТ,
Вал. МОИСЕЕВ

Москва — Горький — Москва.

ПАЛКИ В КОЛЁСАХ

Вступая под своды вокзала, человек становится пассажиром со всеми вытекающими отсюда последствиями. Около миллиона человек проходит ежедневно через московские вокзалы. Муза дальних странствий влечёт любителей экзотических южных командировок, весёлых отпускников и неутомимых дачников, которые летом удваивают эту внушительную цифру.

Человека, рискнувшего стать пассажиром, на каждом шагу подстерегают мелкие неприятности, которые в конце концов делают его долю нелёгкой. Ниже мы показываем некоторые из этих «мелочей», попавшие в объектив фотоаппарата.

ПАССАЖИР НА ЧЕМОДАНЕ

Вступив на тернистый путь транзитного пассажира, инженер Крутов решил сдать вещи в камеру хранения Киевского вокзала. Но окошки камеры хранения хранили гордое молчание: перерыв!

— Два часа жду в очереди!— говорит пассажир и предупреждает:— Храни вас бог от камеры хранения!

ТРАНЗИТНЫЕ ДЕТИ

А что делать транзитному пассажиру, если ему пять — шесть месяцев и он ещё не научился с философским спокойствием сидеть на чемодане? Для таких неопытных путешественников создана комната матери и ребёнка. Но, как мы видим, мать и дитя расположились в преддверии этого полезного учреждения на неудобной, жёсткой скамье. Оказывается, чтобы попасть в уютный детский мир, нужно предварительно закомпостировать билет. Мать, сидящая на скамье, с удовольствием сделала бы это, если бы не одна «мелочь»...

ТОСКА У ОКОШКА

Как выглядит эта «мелочь», видно на следующем снимке. На первом плане — женщина с ребёнком. Видимо, она полна решимости всё-таки закомпостировать билет и оставшееся до отъезда время приятно провести в уютной комнате матери и ребёнка. Однако это хоть и радужная, но весьма далёкая перспектива. А пока несметная толпа терпеливых людей являет собой как бы массовую иллюстрацию к известной песне: «В тоске стою я у окошка, печаль туманит мне глаза...»

НА КРЫЛЕЧКЕ ТВОЁМ...

«А почему бы об этом не рассказать начальнику вокзала?» — подумали мы. Но вскоре поняли, почему. Для входа к начальнику вокзала, как правило, приходится брать перронный билет. За сомнительное удовольствие провести несколько минут в компании начальника вокзала пассажир должен уплатить рубль.

Но нет правил без исключений. Таким исключением оказался начальник Курского вокзала: к нему можно пройти бесплатно. И если бы он в приёмные часы находился в своём кабинете, пассажирам больше не о чем было бы и мечтать. Пока что в ожидании начальника пассажиры покорно присаживаются на ступеньки.

«На крылечке твоём...» — доносится из репродуктора. А мимо пробегают те, кому не надо ставить компостер, тосковать в очередях и часами сидеть на крылечке. Это пригородники. И транзитники смотрят на них с нескрываемой завистью.

РЕЗИНОВЫЙ ВАГОН

Но и пригородные пассажиры на каждом шагу встречаются с досадными «мелочами». Пропускная способность пригородных линий Московского узла в часы пик достигла «потолка». Именно поэтому многим пассажирам приходится ехать на крыше. На нижнем снимке — поезд, идущий от станции Пирогово в сторону станции Мытищи.

Поистине неиссякаемы энергия и выдумка пригородных пассажиров! Когда нельзя попасть в вагон через дверь, они лезут в окна. А сидящим на крыше, видимо, не противопоказано провести лишний час под открытым небом.

На вагоне написано: «94 места». Но эти вагоны вмещают, как видим, втрое больше. Пусть после этого кто-нибудь скажет, что вагон не резиновый!

* * *

Итак, быть пассажиром нелегко. Чтобы ездить по железной дороге, необходимо иметь железные нервы и твёрдую уверенность в том, что когда-нибудь Министерство путей сообщения перестанет закалять выносливость пассажира и вставлять ему палки в колёса.

А. НИКОЛАЕВ
Фото А. УЗЛЯНА.

Фото читателя Крокодила А. ФЕЛЬДМАНА.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Из блокнота натуралиста

Жизнь рыб

Наглядный график лова

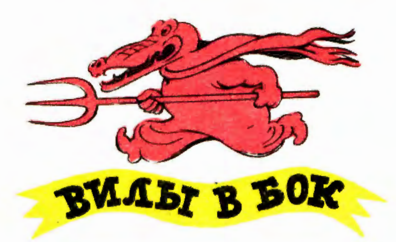
Песня без слов

Заботливые родители

— Камбала — слишком односторонняя личность...

— Моё дело обеспечить семью, а воспитывать детей — это твоё дело...

— А теперь пойдем в следующий номер, на сбор фруктов...

НИ СНА, НИ ОТДЫХА

Трудная жизнь у Николая Тихоновича Киселёва! Просто удивительно, как только человек успевает со всеми своими обязанностями управиться! Работая прорабом строительно-монтажного управления Министерства торговли Киргизской ССР, Киселёв к тому же жестоко эксплуатируется... сторожихой того же министерства Тютиной. Эта сторожиха, получающая 312 рублей в месяц, наняла Киселёва шофёром личной автомашины. Согласно трудовому соглашению, заверенному печатями республиканского комитета профсоюза рабочих коммунального хозяйства, Киселёв обязан работать круглосуточно, к тому же без выходных и без отпуска. И всё это за сто рублей!

А ведь бывали у Киселёва и лучшие дни, когда сидел он за рулём не сторожихиной, а собственной «Победы». Сгубила его доброта душевная. Пристал к нему знакомый: «Продай машину!» Уступил машину Киселёв, правда, не без некоторой прибыли. Купил вторую. Но недолго он радовался. Пристал другой приятель: «Продай машину!» Уступил и эту, правда, опять не без прибыли.

Со следующими двумя машинами Киселёву также не повезло. Пришлось и их продать. Вот тут и вмешались в кипучую жизнь прораба чёрствые люди из госавтоинспекции. Назвали его деятельность неприятным словом «спекуляция» и сказали Киселёву, что больше машин на его имя регистрировать не будут. Но разве прораб мог прожить без «баранки»? Он купил ещё одну машину, оформив её на имя Тютиной. А затем закабалил себя вышеозначенным договором. Вот до чего довели человека!

Многие качают головой, видя, как трудится Киселёв. Но никто почему-то не решается помочь ему освободиться от этой неприглядной жизни.

РУЧНЫЕ БУДИЛЬНИКИ

Собственно, ручные они не в том смысле, что их носят на руке, а в том, что их носят на руках.

Опять же, «носят на руках» следует понимать не в смысле восторженного отношения, а в самом буквальном смысле.

В течение всего рабочего дня на Ростовском часовом заводе специальные подносчики, по два в каждой смене, заняты переноской будильников вручную: часовую фурнитуру переносят с первого этажа на третий, а готовую продукцию — на четвёртый. Затем после испытания продукцию переносят на первый этаж.

К переноске вручную причастны не только специальные подносчики, но и квалифицированные рабочие. Что делать! Территория завода обширна, операций много, а транспортёры и подъёмники отсутствуют. Всё заменяют человеческие руки!

Впрочем, директор завода тов. Дружинин может против такого утверждения запротестовать. Он заявит, что и в ручной переноске применяется рационализация. Дело в том, что будильники носят не голыми руками, а на специально сконструированных носилках.

Спасибо нашим прадедам, придумавшим этот спасительный механизм!

МАНИШКА С ГАЛСТУКОМ

В первом прошлогоднем номере нашего журнала была опубликована заметка «Под манишку». В ней рассказывалось о новом способе строительства, изобретённом управляющим трестом «Орёлгорстрой» тов. Никитиным и главным инженером тов. Здомищуком. При сооружении здания учётно-кредитного техникума в городе Орле они построили лишь «манишку» — фасад, выходящий на площадь. До остальных же стен и крыши у них руки не дошли.

Никитин и Здомищук живо реагировали на критику. Прошло полтора года, строители украсили фасад парапетными решётками и некоторыми другими архитектурными деталями и гордо заявили:

— Мы к манишке приладили галстук!

И почему их до сих пор именуют строителями, непонятно. Это же типичные галантерейщики!

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

НУЖНЫ ЛИ КОММЕНТАРИИ?

Что это?

«Истец просит взыскать с ответчика сумму иска на том основании что последний вызов обязательство на сохранность хрустальной воды в серебряной оправе не сохранил воду в результате чего она потеряла свой вид так как хрусталь был похищен. Ответчик иск не признал. Суд считает, что иск удовлетворению не подлежит, так как истец ответчику воду не выдавал, а наградил данной водой физкультурную команду треста и от имени команды воду получил капитан команды Киселев, который и поставил в кабинете у ответчика — ответчик воду от него не принимал, но она все время стояла на шкафу так как хранить было негде и когда вода хрусталь с нее пропала, истец своим письмом приобщенным к делу просил ответчика выдать гарантийное письмо, что ответчик и сделал не придав этому значения...»

Поясняем: речь идёт о вазе — спортивном кубке, похищенном у ответчика, председателя постройкома № 24 профсоюза строительства в г. Находке, Приморского края.

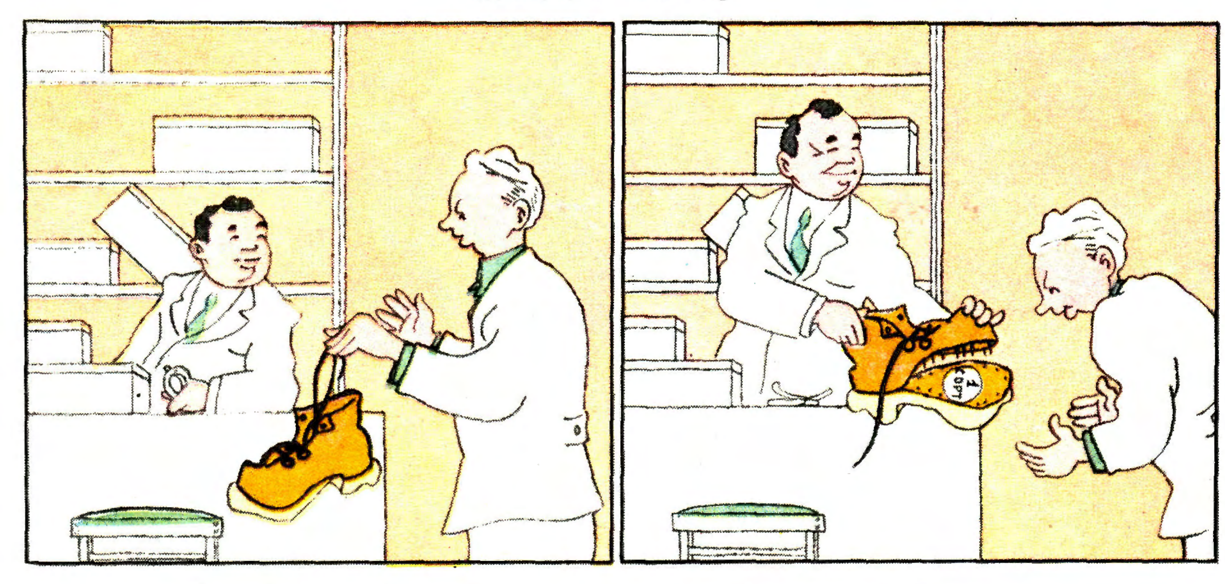
И просим не путать: вы прочитали копию решения нарсуда 1-го участка г. Находки, а не отрывок из дневника человека с больным воображением.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

КАЧЕСТВО НАЛИЦО

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

— Вот это первый сорт!

— Не верите! Посмотрите...

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Как сократить число жалоб на плохое обслуживание населения города Горького? Над таким вопросом давно размышляют руководители местных организаций. Наиболее эффективный способ придуман в городском управлении милиции. И проверен он на моём опыте. Дело в том, что я решился написать в областную газету жалобу на спекулянтов, орудующих на рынках областного центра.

— Ах, так!— возмутился работник управления тов. Сорокин, получив моё письмо, пересланное из редакции «Горьковской правды».— Вызвать сюда завтра к десяти ноль-ноль этого... как его, автора! Да по всей строгости, повесткой, через участкового, через дворника, через ответственного съёмщика по квартире. Пусть вся округа знает!

Получил я повестку и задумался: стоит ли идти? День прогуляешь: как-никак от города Дзержинска, где я живу, до города Горького двадцать пять километров. И не пошёл. А просто переслал повестку тебе. Скажи, пожалуйста, правильно ли я поступил?

С. АРИБЖАНОВ

г. Дзержинск,
Горьковской области.

ОТВЕТ КРОКОДИЛА

Уважаемый тов. Арибжанов!

Получил я ваше письмо с приложенной к нему повесткой и ужаснулся. Как опрометчиво вы поступили! Ведь в повестке строго-настрого вас предупредили, что «...в случае неявки вызываемый подвергается приводу на основании ст. 131 УПК, а кроме того, законной ответственности по ст. 92 Уголовного кодекса РСФСР». И всё это ждёт вас только из-за жалобы на спекулянтов! Какими же статьями УК и УПК будет оперировать тов. Сорокин после того, как узнает, что вы пожаловались на него самого?!

КРОКОДИЛ

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Аттракционы в парках культуры рассчитаны на то, чтобы проверять силу, ловкость, меткость и тому подобное. Но едва ли где-нибудь можно встретить такие аттракционы, какие устраиваются у нас. Их назначение — проверять терпение и нервы посетителей парка.

Вот, к примеру, аттракцион «Достань мороженое». В нём участвуют самые терпеливые. Если нервы у тебя выдержат, простоишь полчаса в очереди у павильона «Мороженое» — будешь с покупкой.

Ещё увлекательнее аттракцион «Танцы на пересечённой местности». Здесь необходимо иметь хороший глазомер и чувство ориентировки, чтобы не споткнуться о бугры и не попасть ногой в выбоины.

Но самый захватывающий номер — это «Полёт в недра земли». Идёшь, наслаждаясь природой, и вдруг летишь в глубокую водопроводную яму. Эффект изумительный! Этот аттракцион бесплатный. Приглашаем принять участие в нём дирекцию нашего парка. Мы не желаем ей зла. Просто хочется, чтобы дирекции вспомнилась пословица: «Не рой другому яму, сам в неё угодишь!»

В. КОРОЛЬ

г. Бендеры,
Молдавской ССР.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

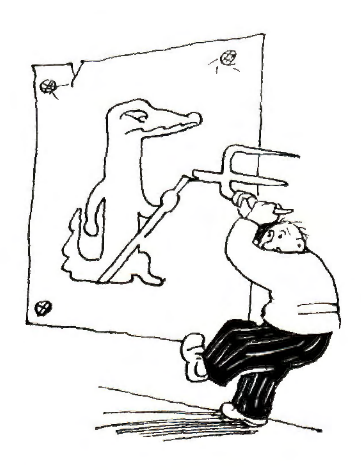
Обращается к тебе один из твоих многочисленных собратьев — «Крокодил» из автобусного парка. Позволь упрекнуть тебя в невнимательности: директор нашего парка тов. Виноградов — очень любопытный человек, а ты почему-то не обращаешь на него внимания.

Многие, например, не любят выслушивать критику в свой адрес. Не таков наш директор. Однажды он не присутствовал на собрании, где его критиковали. Поэтому, желая всё же послушать нелицеприятную критику, в диспетчерский час он лично допросил всех, о чём именно они говорили на собрании.

Ты, конечно, спросишь: а что же мы сами не обратили внимания на тов. Виноградова? Поясняем тебе, что наш «Крокодил» не обидел директора своим невниманием. Но тов. Виноградов всё же обиделся, когда напомнили ему о проведённом допросе. А обидевшись, строго пригрозил нашему «Крокодилу», который в отличие от тебя носит спецовку синего цвета:

— Я вашего синего «Крокодила» живо красным сделаю!

И представь себе, при этом тов. Виноградов даже не покраснел!

Если ты, дорогой Крокодил, всё же захочешь встретиться с нашим директором, покритикуй его, и он сам вызовет тебя на допрос с пристрастием.

Редколлегия стенгазеты «Крокодил» Третьего московского автобусного парка:
Н. БОБКОВ, П. КУЗНЕЦОВ, В. ТЕРЕХОВСКАЯ.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Хочу несколько дополнить образ героя фельетона «Николай Высочин во весь рост» («Крокодил» № 13).

Николай Григорьевич, помимо всех своих прочих достоинств,— замечательный спортсмен-бегун. Дистанции, преодолеваемые им, отличаются от всех известных в истории мирового спорта по своим масштабам. Первый раз — в 1950 году — он пробежал триста километров: от г. Киева до г. Ватутина. А второй раз — в 1954 году — четыре тысячи километров: от г. Ватутина до г. Зыряновска.

В силу исключительной скромности Высочин никогда не поднимал вокруг своих достижений шума, не претендовал на известность и славу. Напротив, он старался остаться в тени, в безвестности. Старт он брал внезапно, без всяких торжественных приготовлений и молниеносно скрывался из поля зрения окружающих.

Но невозможно пройти мимо таких успехов: Высочина обычно искали и через несколько лет находили. Находили для того, чтобы вручить ему... Кубок? Цветы?.. Нет! Исполнительный лист на содержание ребёнка. Денежными же подарками Высочин премировал сам себя: на содержание дочери благодаря своим спортивным талантам он платил всего лишь год.

Н. УВАРОВА

г. Киев.

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА

Почти одновременно с письмом Н. Уваровой, бывшей жены Высочина, ко мне поступило письмо из Министерства цветной металлургии Казахстана о том, что, ознакомившись с фельетоном, Высочин предпринял ещё один забег.

Будем надеяться, что Н. Высочин наконец достигнет своего финиша.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00399. Изд. № 761. Подписано к печати 9/VIII 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 2165. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

КАК МАРЬЯ ИВАНОВНА РУКОВОДИЛА УЧРЕЖДЕНИЕМ, РУКОВОДИТЕЛЕМ КОТОРОГО СЧИТАЛСЯ ЕЁ МУЖ

Рисунок Ю. Ганфа.

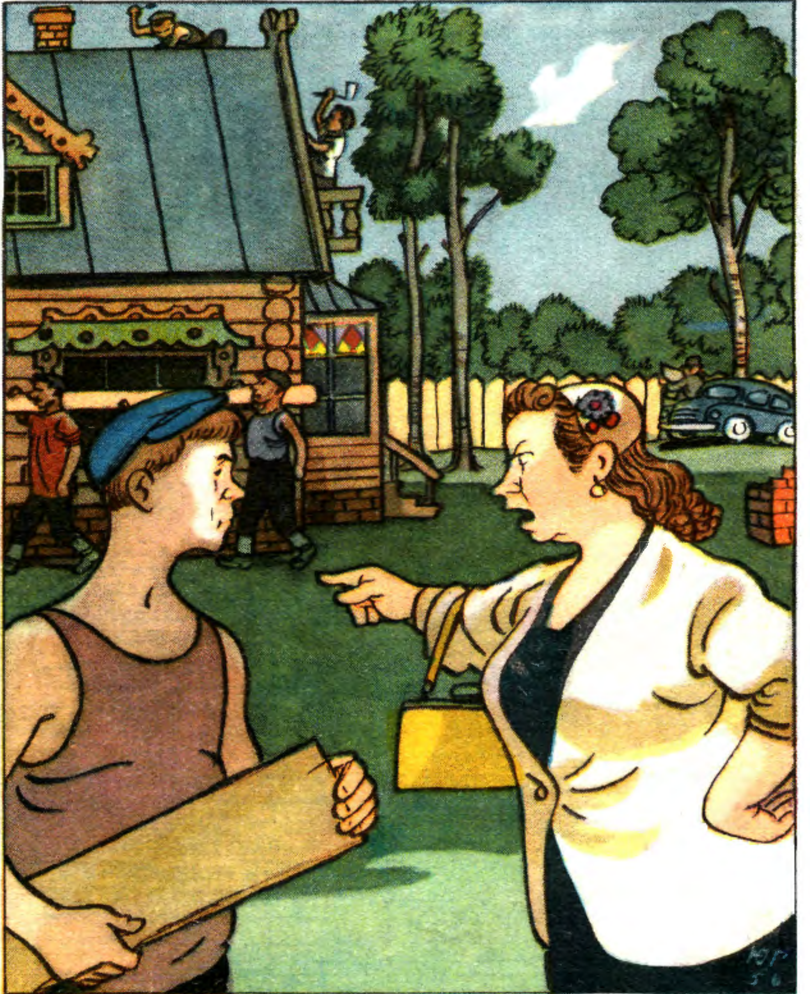
Она ведала транспортом учреждения...

...вникала во всё, что касалось вопросов общественного питания...

...возглавляла отдел кадров...

...и, наконец, распоряжалась рабочей силой на первоочередной стройке учреждения.